

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ БОЛИВИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Важным компонентом формирования национальной идентичности в Боливии была мемориальная политика государства, создававшая официальный нарратив, обосновывавший права креольского меньшинства на привилегированное положение в управлении страной. Война за независимость была тем событием, вокруг которого формировалось представление об истоках нации в XIX в., но и сегодня остаётся одним из полей «битвы памяти», в котором противостоят в прошлом исключённые из политического сообщества расы и социальные группы. Радикальные изменения в стране в начале XXI в. привели к смене парадигмы развития и отрицанию всего прошлого исторического наследия, единого национального нарратива, предлагая вместо него разнообразие множественных нарративов истории места, этноса, расы в рамках не политической, а гуманистической общности, какой становилась нация.

Ключевые слова: мемориальная политика, Боливия, коммеморативные практики, национализм, мультикультурализм, индеанизм.

Исследование вопроса предполагает предварительную периодизацию собственно боливийского исторического процесса, которая не совпадает полностью, но фундаментально соответствует различным этапам формирования национальной идентичности и мемориальной политики. Первый период соответствует формированию узкокастового, креольского государства: 1825 г. – 1920–30-е гг. Начало второго периода традиционно в историографии определяется событиями войны в Чако (1932–1935), в которой Боливия потерпела поражение, а его завершение – последним десятилетием XX в. В этот период происходит пересмотр расово-этнической основы боливийской государственности, эволюция от креольской к креольско-метисной идентичности. Третий, современный период характеризуется тотальным пересмотром основ государственности, национальной идентичности, культурных и исторических конструктов на этносоциальной основе индейско-крестьянских коренных народов при разнообразии и плюрализме идеологических течений.

Сегодня в Боливии, как никогда в её истории, прошлое становится проекцией настоящего. «Метафора «зеркала» в применении к прошлому, к истории, верна только в том смысле, что, на самом деле, «век нынешний» вовсе не ищет в нем аутентичный образ минувшего, а смотрит в это зеркало (т.е. смотрит именно на себя) все с той же целью самоидентификации, пристально «вглядываясь» в свой собственный лик, «примеряя», например, новый образ единого национального про-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Историческая память как фактор национальной идентичности: опыт сравнительно-исторического исследования» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

шлого, соответствующий запросам времени»². Как заметил Роже Шартье в своих диалогах с Пьером Бурдые, функция истории, которую она сознательно берет на себя, состоит в том, чтобы возвращать к корням, наделять ориентирами и идентичностью тех, кому этого недостаёт, таким образом, исторический дискурс – это дискурс, который утешает, ободряет³. Хорхе Луис Борхес в своём рассказе «Фунес, чудо памяти» создал провокативный образ памяти без забвения⁴. Память без забвения, без обобщения лишает человека, по Борхесу, способности мыслить. Культурная (политическая или историческая) память как раз обладает инструментом забвения, но в отличие от борхесовского Фунеса и индивидуальной памяти она обладает таким «чудом памяти» как создание конструкта на частично, а порой и полностью фиктивных основаниях. Боливийская историческая память преподносила не раз такие уроки воскресения из небытия неких событий и фактов, становившихся затем фундаментальными для национальной идентичности.

Важной функцией памяти является достижение определённого социального единения. Государство манипулирует исторической памятью. В отличие от истории память фрагментарна, она распадается на индивидуальную и на различные групповые. Однако не только государство, но и порой антагонистичные ему социальные (расовые, этнические) группы формируют и предлагают обществу «плебейские» версии исторического нарратива. На примере Боливии есть возможность проследить противостояние и даже победу альтернативного «коллективного воображаемого», что ярко проявилось в конце XX в. и завершилось победой с приходом к власти радикальных индеанистов, провозгласивших «демократическую и культурную революцию», включающую в себя полный пересмотр официального нарратива, переосмысление основ национальной идентичности.

Война за независимость и её герои в формировании коллективного воображаемого: постколониальный креольский дискурс (1825–1925)

Важными задачами формирования национальной идентичности и самосознания боливийцев в первые десятилетия независимого существования страны было определение внешних символов и обоснование исторических причин обособления боливийцев от соседних народов, говорящих на одном языке, близких или родственных расово и этнически, имевших общую историю в прошлом.

Национальное самосознание является результатом воздействия широкой гаммы символов, нарративов, дискурсов, в том числе масс медиа (в XIX в. – газеты и журналы для избранной публики, лубочные

² Репина 2007. С. 8.

³ Bourdieu 1989. P. 53-60.

⁴ Фунес обладал феноменальной памятью, фиксировавшей все самые незначительные и мелкие события; однако, чтобы вспомнить события одного дня, ему требовался также целый день.

листочки со стихами и картинками для плебейских слоёв), художественная литература, историография. Как отмечал Бенедикт Андерсон, добуржуазный строй добивался сплочённости нации вне печатного слова, а эпоха модерна стала первой, где идентичность, нация, как отдельное сообщество и отдельная территория формируется на воображаемой основе, благодаря печатному слову⁵. Печатное слово, газета, роман становятся формами познания мира, ощущения себя как нации.

Несмотря на неграмотность большинства населения пресса играла значительную роль в жизни городов. В XIX в. власти прибегали к массовому использованию лубочных листков, газет-однодневок для пропаганды среди ремесленников и рабочих⁶. В этих газетах целые полосы посвящались героике Войны за независимость, а листовки – каким-нибудь гражданским празднованиям. Редакции газет и издательства объявляли, что ремесленники и рабочие, не имеющие средств на подписку, могут бесплатно читать газеты в типографиях. Современники свидетельствовали, что газеты, обильно печатавшие т.н. «исторические» публикации (часто по европейской истории, но порой по национальной), читались многими, устно пересказывались в бедных кварталах⁷. Это был плод труда первых боливийских историков. Различные нарративы создавались историками и инкорпорировались в память, трансформировали или создавали её. Историография генерировала новое коллективное воображаемое, национальное самосознание, в т.ч. мифы и стереотипы, создавала новую генеалогию нации.

Потребность создания нового нарратива диктовалась полным разрывом с прошлым, с преемственностью истории периода колонии. В результате требовалось создать собственный исторический нарратив, который в начале века сводился лишь к Войне за независимость и первым годам республики. Оправдание забвения всей предыдущей истории было сформулировано одним из первых боливийских историков Мануэлем Хосе Кортесом: «рабство не имеет истории»⁸.

Креольская верхушка стояла перед необходимостью создать свою историческую легитимацию через отрицание колониального прошлого, благодаря которому она собственно и оказалась на этой территории в качестве руководящего класса. Отрицая колониальное прошлое, креолы лишь отчасти вспоминали инкскую историю. В этом они совпадали и с индейцами аймара, для которых инки также символизировали иностранных угнетателей. Отсюда выбор новых героев и фундаментальных (т.е. лежащих в основе идентичности) событий в ближайшем прошлом, в истории Войны за независимость. Героизация креольских вождей Войны за независимость легитимировала права креольской элиты на управление

⁵ Андерсон 2001. С. 98 – 99.

⁶ Montenegro 1979. P.117.

⁷ Unzueta 2000. P.50.

⁸ Щелчков 2010. С. 354.

страной, на право считать себя основой нации, формировать её идентичность. Дискурс этой историографии был элитистским: он объяснял причины провала в достижении благосостояния и счастья народа его пороками, моральным падением и расовой неполноценностью⁹.

Историческая память нуждается в коллективных формах припоминания и повторения¹⁰. Различные мемориативные практики, празднования годовщин независимости и первых восстаний против Испании, как необходимое повторение воспоминания, формирующего национальное «мы», в первые десятилетия после завоевания независимости были главным средством не только оправдания существования национального государства, но и укоренения в традиционном обществе секулярных форм идентичности, предлагая замену церковных ориентиров и праздников на гражданские, связанные с событиями гражданской истории, хотя порой и оформляемые в религиозную форму. Методологически важными являются тезис Э. Хобсбаума о том, что ведущая роль в конструировании общественной памяти принадлежит государству, а также идея П. Бурдьё о том, что в обществе всегда идёт борьба между символическими властями, стремящимися внедрить своё видение легитимных делений, конструкции и деконструкции истории и идентичности, так как символическая власть – это власть конструирования мира¹¹.

В XIX в. республиканские правительства учредили массу новых гражданских праздников, отличавшихся степенью торжественности и своим местом в иерархии республиканской мифологии и иконографии, многие из которых дошли до сего дня. День рождения маршала Сукре (первого президента после Боливара), годовщина восстания в Оруро, первые восстания против Испании в Чукисаке и Ла-Пасе, победа при Хунине и Айякучо, после которых началось освобождение Чаркас, день Боливара, провозглашение независимости, день флага, среди прочих стали важными календарными вехами общественной жизни городских сообществ в Боливии XIX в. Это был не столько повод для выходных дней или праздников как «прерывания рутины» обыденности, сколько «средством регулярного самоутверждения определённых социальных групп»¹².

В первые десятилетия после завоевания независимости, пока были живы непосредственные участники и свидетели тех событий, власти делали акцент на героизме Боливара и Сукре. Местные герои, просто участники и местные события оставались в тени славы этих Освободителей, которые не только не были боливийцами, но и основные свои подвиги совершили за пределами Боливии. Более того, навязывалась идея, что Боливар и Сукре принесли стране мир и порядок, создали государство, ликвидировали хаос, в то время как действия местных парти-

⁹ Ируроски 2013. С. 246.

¹⁰ Ассман 2014. С. 58.

¹¹ Hobsbawm 1983. P. 14, 263-264; Бурдьё 2007. С. 83.

¹² Durkheim 1915. P. 375.

занских вождей только способствовали разрушению и анархии. Тем не менее, на местном уровне, особенно там, где республикеты (зоны, освобождённые партизанами) смогли просуществовать значительное время как в Айюпайя, народное предание хранило память о партизанах. Официальную историческую память государство выстраивало с помощью декретов и распоряжений о праздниках и ритуалах¹³. «Коммуникативная» память вступала в противоречие с «культурной», лишь по прошествии пятидесяти лет национальные герои и события собственно боливийской истории заинтересовали профессиональных «хранителей» и создателей коллективного воображаемого о прошлом.

Гражданские праздники в XIX в. и в большей части XX в. были призваны выполнять важную общественную и политическую функцию формирования и консолидации внутригрупповых и общенациональных связей, чувства общности, национального самосознания. Новые праздники носили «дидактический» характер, воспитывая граждан в новой этике и в осознании себя как нации, создавая образ единого народа, объединённого чувствами равенства и братства. Формирование идентичности, поддержание традиций, сохранение или создание истории как традиции может существовать лишь как «культурная память» в рамках институций гражданского общества и государства. Эти институты выполняют воспитывающую роль, создавая чувства принадлежности к той или иной социальной группе и сознание этнической или национальной идентичности. «Праздник служит – кроме других функций – также воскрешению в памяти обосновывающего прошлого. Обосновывается через обращение к прошлому не что иное, как идентичность вспоминающей группы. Это не повседневная идентичность. Коллективным идентичностям присуща торжественность, приподнятость над уровнем повседневности»¹⁴.

Алгоритм этих «воспитывающих» праздников включал в себя военные парады и гражданские шествия, которые репрезентировали единое тело нации, состоящее из равных граждан, являющихся источником власти и государства. Ещё президент А. Санта-Крус с 1834 г. ввёл практику гражданских шествий, которые представляли все группы населения: их возглавляли нотабли, креольская верхушка, служащие, затем шли ремесленники-метисы, завершали шествие индейцы в традиционных костюмах, демонстрируя единство нации, состоящей из различных рас или каст, как говорили в Боливии. При президенте М.И. Бельсу (1848–1854) декрет о праздновании дня независимости 6 августа подчёркивал его «дидактический» характер, а целью всех мероприятий помимо воспитания патриотизма объявлялась пропаганда ценности «сохранения существующего порядка»¹⁵. Подчёркивалась ценность республиканских ин-

¹³ Reescrituras 2012. P. 330.

¹⁴ Ассман 2004. С. 23, 55.

¹⁵ Colección 1864. P. 44 – 45.

ституты, национального государства, создание которого отмечалось 6 августа. При том же Бельсу по декрету от 11 января 1851 года на всех документах стали фигурировать год с Рождества Христова и год со дня начала борьбы за независимость, восстания 25 мая 1809 г. в Чукисаке¹⁶.

Важным элементом легитимации независимости и ее основополагающей роли в формировании новой идентичности был культ Симона Боливара (давшего своё имя новой республике) и других вождей войны за независимость. Смерть Боливара в 1831 г. была отмечена в Боливии масштабными траурными мероприятиями. По декрету (10 мая 1831 г.) президента Санта-Круса, который считал себя преемником Боливара, по всей стране должны были пройти погребальные службы «со всей торжественностью, с присутствием всех церковных, гражданских и военных властей», с обязательной поминальной речью главы прихода или иерарха, военные должны в парадном виде стоять перед храмами с траурными знамёнами, в крепости Оруро салютовать пушками, всем государственным служащим нести траур в течение двух месяцев, а всем остальным гражданам – 8 дней¹⁷.

Во времена колонии портрет короля выставлялся во всех публичных местах, в том числе в церквях. При республике эта традиция была перенесена на основателей государства Сукре и Боливара, а не на текущих президентов. Как отмечают боливийские исследователи М.И. Альварес Плата и М. Пентималье, Боливар всегда предстал как военный герой и мудрый законодатель одновременно. За образец брались портреты периода Консульства во Франции¹⁸. Устанавливались бюсты Боливара, превращённые в подобие республиканского алтаря, где проводились гражданские акции, клятвоприношения республике и нации, церемониал всегда был связан с определёнными знаменательными датами истории войны за независимость.

С завоеванием независимости и разрушением «старого режима» гражданский праздник приобретал иное содержание по сравнению со старыми королевскими праздниками, связанными с церковью, с Божественным освящением власти и религиозным объединением подданных вокруг короны. Приоритетной целью политических властей и гражданского общества было добиться осознания массой жителей новой страны общей идентичности, общей истории, т.е. построение позитивной и инклюзивной исторической памяти, которая бы освещала подвиг и героизм войны за независимость не только как стремления к свободе, но и как шаг в строительстве нового общественного здания. Уже в первые десятилетия независимости изменились коммеморативные практики, от «революционного» праздника разгрома колониализма и свержения деспо-

¹⁶ Archivo Nacional de Bolivia. Ministerio del Interior. 1849–1856. T. 77. No. 46. P. 17.

¹⁷ El Iris de La Paz. 22 de mayo de 1831. P. 1-2.

¹⁸ Álvarez Plata 2011. P. 63-64.

тии, когда упор делался на годовщины главных битв (Хуни и Айякучо), в которых собственно боливийцы участия не принимали, перешли к воспоминанию дат провозглашения независимости, публикации декларации независимости. Уже в 1831 г. президент А. Санта-Крус установил иерархию праздников, особо выделив день независимости 6 августа и сделав прочие гражданские праздники второстепенными. В соответствующем декрете он подчёркнул, что значение этого дня и его преимущество по сравнению с днём рождения Боливара или годовщины побед над испанцами определяется тем, что тогда была создана новая нация¹⁹.

Коммеморативные практики, связанные с днём независимости, с битвами и восстаниями времён Войны за независимость, в первой половине XIX в. имели своей целью прежде всего не только укрепить в сознании, но и обеспечить практику самоидентификации жителей страны как боливийцев, а не верхнеперуанцев, отодвинув на второй план географическую привязанность идентичности и старое колониальное сословное сознание принадлежности к миру либо испанских американцев (креолов), либо метисов и индейцев. Это была не простая задача, ибо разделение на республику испанцев и республику индейцев было укоренено в обычаях трехсотлетней давности. И все же праздники объединяли элиту и народные массы: общие символы, общие исторические сюжеты.

Во время празднований республиканских знаменательных дат, в первую очередь дня независимости, устраивались народные забавы (корриды, петушьи бои), чтобы привлечь массы к атмосфере праздника. Правительственная газета «La Época» выступала с критикой этих обычаев как неподходящих для воспитания республиканской доблести и духа гражданственности. Газета, отмечая, что народные праздники необходимы для воспитания патриотического духа народа, предлагала отказаться от «варварского боя быков, а вместо них организовать гимнастические соревнования», примером чему служила античность и республиканские доблести древности²⁰. Однако такого рода замена могла иметь успех только у «просвещённого» меньшинства, и власти предпочитали добиваться «воспитательных» целей старыми методами.

Чем более удалялись во времени события Войны за независимость, тем более они мифологизировались. Мифология нации отчасти иррациональна, она ищет не счастья и блага для людей, а некой мировой справедливости в отношении к внешнему окружению, подспудно проводит идею исключительности и самопожертвования. В Боливии идея нации строится на схеме: народ-страдалец, жертва находит силы к сопротивлению и преодолению несчастий вчера, сегодня и всегда. В этой борьбе и противостоянии угнетению и несправедливости народ опирается на телуристические силы (земля, природа, почва) и идёт за героями Осво-

¹⁹ Martínez 2005. P. 188-189.

²⁰ La Época. No. 504. 20.10.1849.

бодителями, данными высшими силами. Как справедливо писал Ян Ассман: «Прошлое, закреплённое и интериоризированное до состояния обосновывающей истории, есть миф совершенно независимо от того, фактивно оно или действительно»²¹.

Боливийцам стало недостаточно осознавать, что Сукре и Боливар принесли им свободу и независимость, они обратились к истории борьбы за независимость, связанной не с Освободительными армиями, а с собственной боливийской историей борьбы с испанским колониализмом как к оправданию существования страны. 6 августа не было воспоминанием героизма и патриотического самоотвержения, а лишь днём провозглашения независимости. 6 августа стало уступать место двум знаменательным датам первых на всем континенте восстаний против колониальных властей: 25 мая – в Чукисаке (Сукре), 16 июля – в Ла-Пасе. В 80-е годы XIX в. в этих городах множатся организации, занимавшиеся патриотической пропагандой с местным уклоном. Июльская ассоциация в Ла-Пасе (1881) издавала многочисленные брошюры о восстании 1809 г., о его героях и жертвах, ставились спектакли в духе народного уличного театра, во время празднований инсценировались события тех лет. В отличие от 6 августа, сохранявшего официальный статус, праздники 16 июля (в этот день был церковный праздник Девы Марии дель Кармен, покровительницы Боливии) в Ла-Пасе были более демократическими, массовыми и более дидактическими. Правда, в них содержался сильный региональный элемент – противостояние другой столице Чукисаке – Сукре. В июле праздник длился три дня, в нем принимали активное участие не только креолы, но и городские низы²². Ввиду религиозной составляющей праздника индейцы из близлежащей округи также участвовали в шествиях и танцах. В конкурирующей с Ла-Пасом за первенство официальной столице страны Сукре в 1886 г. было создано Географическое общество, ставшее важным институтом исторической памяти. Там собирались документы, рукописи, книги, письма Сукре, Боливара, все, связанное не только с восстанием 25 мая 1809 года, но и с провозглашением независимости, с освободительной борьбой.

Героизировались лидеры восстания в Ла-Пасе 1809 г., прежде всего Педро Доминго Мурильо, братья Ланса, Сагарнага и др. Их именами назывались улицы, центральная площадь города, где был возведён монумент Мурильо, который был метисом, что с одобрением воспринималось плебейскими низами. Появляется противопоставление креольского полубога Боливара-Освободителя и мученика местного плебея и метиса Мурильо. Однако героизация восстания 1809 года в Ла-Пасе и его лидеров не ввело их в общеболивийский пантеон героев. Чукисака противопоставляла им свою историю, что усиливало старое соперничество двух

²¹ Ассман 2004. С. 80.

²² Martínez 2005. P. 205-207.

боливийских столиц. Во время Тихоокеанской войны (1879–1884) боливийские солдаты находились в Перу, где они праздновали 16 июля – день восстания в Ла-Пасе 1809 г., который боливийцы считали первым призывом к независимости в Южной Америке. По воспоминаниям солдат, в этом праздновании участвовали только пасеньос, т.е. жители Ла-Паса, а другие боливийцы его игнорировали²³, что свидетельствовало о глубоко укоренившемся регионализме и партикуляризме даже в особых обстоятельствах войны, нахождения за рубежом, что теоретически должно было сплотить всех боливийцев вне зависимости от их происхождения.

После федеральной революции 1899 г., прихода к власти либералов и переноса столицы в Ла-Пас, казалось бы, празднование восстания 1809 г. в Ла-Пасе должно было бы укрепиться по воле победителя. Однако в 1903 г. специальным указом все местные знаменательные даты, связанные с войной за независимость должны были уступить место общенациональному празднованию 6 августа, как дня всех боливийцев. Объяснение этому только одно – в обществе существовал так называемый «синдром Польши», т.е. страх перед утратой национального суверенитета и раздела страны между соседями. Это неудивительно, так как в результате Тихоокеанской войны Боливия утратила выход к морю, а после «бразильской колонизации» территория Акре также была потеряна. Всякий регионализм как часть идентичности подвергался давлению и подлежал цензуре в области не только знаменательных дат и праздников, но и в школьных программах истории. Официальная позиция состояла в том, что само наличие региональной идентичности, отличной от общеболивийской, является причиной отсталости и провала страны на внешнеполитической арене. Именно либеральные правительства (1900–1920) стали проводить целенаправленную политику укрепления общенационального патриотического чувства, систематически формировать коллективные представления об историческом прошлом, в котором Война за независимость наряду с другими войнами с соседями занимала особое место. Либералы, желая усилить общенациональное значение 6 августа, запретили все прочие гражданские праздники. Чтобы привлечь массы к торжествам, при президенте И. Монтесе в начале XIX в. празднования были продлены на три дня, а в 1906 г. участие в шествиях для учителей и служащих стало обязательным, и был установлен штраф за непосещение ими торжественных актов как в церкви, так и на площадях. Особое значение правительство стало придавать участию школьников в торжествах 6 августа (участие школьников в шествиях впервые было отмечено при Бельсу, 1848–1855, но обязательными они стали при либералах). Также было предписано организовывать отдельные школьные праздники 6 августа²⁴.

²³ Birbuet 1986. P. 37.

²⁴ Martínez 2005. P. 209-210.

Школа стала важным инструментом построения национальной идентичности²⁵. Именно через школы популяризировался новый исторический нарратив. Так, при президенте Санта-Круссе (1829–1839) было указано, что для привития патриотизма и республиканизма в школах следует проводить театральные представления по историческим сюжетам войны за независимость²⁶. В 1906 г. специальный журнал для учителей напрямую давал указания воспитывать патриотизм на примерах Мурильо, Боливара и Сукре. Важно, что имя Мурильо, который был возведён в ранг непререкаемого героя и отца нации, в последней трети XIX в. перестало ассоциироваться только с местной историей Ла-Паса, стало общенациональным символом²⁷.

Весь XIX век прошёл в спорах между Ла-Пасом и Сукре о первенстве в борьбе за независимость: во время восстания в Чукисаке 25 мая или в Ла-Пасе 16 июля 1809 г. впервые были провозглашены цели независимости от Испании. За фасадом этого спора стояла борьба за право считать себя столицей, которая закончилась гражданской войной 1899 г. и победой Ла-Паса. К региональным конфликтам на исторические темы следует добавить особый случай Оуруо. Там споры о первенстве в Войне за независимость захватили широкие массы горожан и даже привели к беспорядкам в 1920 г. после одной лекции на исторические темы.

В Оуруо местные публицисты много писали и говорили о креольско-метисном-индейском восстании 1781 года, когда Верхнее Перу погрузилось в кровавую борьбу индейцев против всех белых и метисов во время знаменитого восстания Тупак Катари. Оуруо был единственным местом, где сложился союз креолов, метисов и индейцев, направленный против испанской короны, что и стало поводом считать это восстание предтечей Войны за независимость, а Оуруо объявить первоисточником нации. 10 ноября, день восстания 1781 года, праздновался с большим размахом на местном уровне. Затем, когда историк из того же Оуруо М. Бельтран Авила развенчал героя восстания Себастьяна Пагадора, показав его неприглядные действия против восставших креолов, в городе после его лекции толпа горожан угрожала расправиться с ним и его семьёй, которая была вынуждена искать убежища на колокольне собора²⁸. Суть конфликта сводилась к неприятию основной массой горожан, в большинстве своём метисов, критики местного героя, метиса Пагадора.

Столетняя годовщина Войны за независимость, стала импульсом для изучения и популяризации её истории. Власти должны были снять запрет на празднования восстаний в Ла-Пасе и Чукисаке 1809 г. и даже выделили большие суммы денег на столетние годовщины. Затем, чтобы

²⁵ Как отмечал Э. Хобсбаум, в эпоху модерности школа заменила церковь в формировании новой традиции и идентичности. Hobsbawm 1983. P. 271.

²⁶ Reescrituras 2012. P. 338.

²⁷ Martínez 2005. P. 211.

²⁸ Reescrituras 2012. P. 190-193.

сгладить регионалистский контекст празднований, также были проведены масштабные мероприятия на столетние годовщины «восстаний» (которые собственно восстаниями не были) в Кочабамбе, Санта-Крус и Потоси, причем последнее (Потоси) представляло собой абсолютно искусственно создаваемое событие, которого не было ни в реальности, ни в мифологизированной памяти.

Для популяризации исторического знания и придания особого значения восстаниям 1809 года как сугубо боливийским правительство и общественные организации к столетию этих событий в 1909 г. провели ряд конкурсов: на лучшую работу по истории и географии страны, на лучшую монографию о восстании 16 июля в Ла-Пасе и многие другие, так или иначе связанные с юбилеем²⁹. Все это создавало общественную атмосферу всеобщего внимания ко всему, что рассказывало о событиях столетней давности и их значении для создания боливийского государства в противостоянии не только Испании, но и Перу и Аргентине.

Главным же событием начала XX в. было празднование столетия независимости. В 1925 г. повсюду устанавливались памятники Боливару и Сукре³⁰. С 1900 по 1930 г. было возведено только в Ла-Пасе 27 (вдвое больше, чем за все предыдущие сто лет) памятников, так или иначе связанных с Войной за независимость. Именно в это время массово переименовываются улицы и площади городов в честь героев войны за независимость. Характерным примером является район Ла-Паса Сопокачи, где большинство улиц стали носить имена героев независимости.

Государство в полной мере воспользовалось «уличной педагогикой», донося до всех городских (речь идёт только о городе) слоёв, в т.ч. плебейских, метисных, идею непреходящей ценности независимости страны, особой боливийской идентичности. Вторым по важности посланием педагогики празднований было признание первенства креольского меньшинства, героев и вождей Войны за независимость, дающее право их потомкам продолжать управление страной. Пожалуй, это был самый важный для политической стабильности государства тезис. Формировалась многослойная идея идентичности, исходя из истоков национальности – войны за независимость: все боливийцы вне зависимости от расовой и культурной принадлежности признавали заслуги и особое место креолов как отцов нации. Все остальные группы населения (метисы, индейцы) должны были пройти процесс культурной и языковой ассимиляции, чтобы приблизиться к креолам, и только тогда приобрести не только политические права, но и стать полноправными боливийцами, гражданами, а не просто жителями. Идентичность боливийца, таким образом, воспринималась как гражданская национальность, в основе которой лежали права креолов, завоёванные в войне за независимость.

²⁹ Fiesta 2009. P. 41.

³⁰ Reescrituras 2012. P. 341.

Литература как педагогика национального чувства

Художественная литература, как коннективная структура, связывает на определённом историческом этапе общество и воспоминание, историю как часть национального «мы». Литература сделала существенный вклад в мифологизацию образа Войны за независимость и её героев, придала им личностные, «живые», человеческие черты, чего не хватало в официальном нарративе³¹. XIX и XX вв. были временем значительного влияния литературы на общество, в то время как с конца XX в. ей приходится уступить место иным формам коммуникации.

В испаноамериканских странах первые полвека независимого развития в литературе преобладал неоклассический стиль, в котором рассказ, повесть, роман были периферийными жанрами. Главное литературное творчество было сосредоточено на поэзии, патриотических гимнах, на риторике (драматические монологи) и памфлетной литературе, касавшейся исторических событий в исключительно абстрактной и метафорической форме³². Крайне редкими были публикации книг, литераторы обращались к публике через газеты. Основным сюжетом од, поэм и даже куплетов были герои войны за независимость: Давид, сражавшийся с Голиафом испанской империи.

Исторические работы о войне за независимость не появлялись вплоть до 50-60-х годов XIX в. Им предшествовала мемуарная литература, памфлеты, поэтические произведения. Важным этапом, начавшим профессиональный период как в литературе, так и в историографии, были работы Хосе Мануэля Лосы, перу которого принадлежит воспевающая Боливара и Сукре «Memoria Biográfica», а также «Героическая ода». Второе произведение выделяется среди подобных в данном жанре тем, что впервые прославляло подвиг боливийцев, партизан из так называемых республик, которые были проявлением зачатков сугубо боливийского национализма. Первые работы историков Х.М. Укрульо, М.Х. Кортеса, М. Санчеса де Веласко начинались с Войны за независимость, следуя тезису Кортеса – у «рабства нет истории». Все эти работы подчёркивали роль креолов в истории освободительной борьбы, игнорировали роль метисно-индейских масс. В большей части это были истории битв и героизма отцов отечества, креольских вождей войны.

Создание первого нарратива, отражающего ценности и цели креольско-метисного государства, требовало систематизации преподавания истории в школах и лицеях. Первый учебник по национальной истории

³¹ А.Ф. Лосев писал: «История должна быть не просто “живописью”, но и поэзией. Она должна рождать не просто образы и картины фактов, но и *слова* о фактах. И тут мы находим подлинную арену для функционирования мифического сознания. Мифическое сознание должно дать *слова* об исторических фактах, повествование о жизни личностей, а не просто их немую картину. Миф – “поэтичен”, а не “живописен”». – Лосев 1991. С. 134.

³² Unzueta 1997. P. 281.

«Краткий учебный курс истории Боливии» был написан в 1870 г. Луисом Мариано Гусманом Альдунате, известным писателем и подвижником народного просвещения. Его перу принадлежали не только исторические работы, но и многочисленные повести и рассказы на исторические темы, более популярные чем его исследования. Учебник состоит из двух частей: первая охватывает период от открытия Америки до обретения независимости, а вторая – от битвы при Айякучо до сражения против перуанских войск при Ингави в 1841 г., считающейся боливийцами второй войной за независимость. В предисловии к учебнику Л.М. Гусман сетовал, что в Боливии студенты лучше знают всемирную историю, чем свою собственную, отечественную. Задачей его книги было воспитание молодёжи на примерах собственной истории³³. Большая часть работы была посвящена именно Войне за независимость.

Затем в 1896 г. появилась работа Хосе Марии Камачо «Краткая истории Боливии» (*Compendio de historia de Bolivia*), которая вплоть до середины XX в. служила учебником в лицеях. Главным её достоинством было воспитание национального чувства и патриотизма в молодом поколении на примерах борьбы за независимость.

Несмотря на подъем исторической науки, в этот период первенство остается за литературой и беллетристикой. Американский историк Фернандо Унсуэта отмечал, что роман в XIX в. замысливался для создания образа истории, нравов, идей, чувств, которые связаны с дискурсивным строительством нации, история ещё не отделена от литературы, но цели у них общих – формирование нового национального чувства³⁴. Художественная литература была «формирующим» элементом национальной идентичности. С точки зрения исторической интерпретации она является производным продуктом образов и устойчивых конструкций, уже апробированных в историографии и в официальном дискурсе нарратива. Роман развивался в рамках общей политики креольского меньшинства по построению национального воображаемого, исключаящего из понятия нации индейцев, негров³⁵. Д. Сармьенто, который являлся авторитетом для многих писателей и беллетристов либерального направления, напрямую указывал, что роман должен учить читателя тому, что такое нация.

Ставший явлением в литературе роман «Хуан де Ла Роса. Воспоминания последнего солдата войны за независимость» (1885) Натаниеля Агирре – продукт уже сформировавшегося образа Войны за независимость как формирующего нацию события, образа, который представлял Боливию креольско-метисной нацией, противостоящей колонизаторской Испании. Агирре написал роман в форме дневника, подражая мемуарной литературе. Этот приём был до такой степени удачным, что существовал

³³ Guzmán 1870. P.1-2.

³⁴ Unzueta 2007. P. 111-112

³⁵ Unzueta 2007. P. 83.

миф, будто роман основывается на реальных документах, более того – принадлежащих перу безымянных героев независимости и отражавших народно-плебейский взгляд на те события³⁶. В романе рассказано об одном из драматических моментов истории Войны за освобождение страны – героическом сражении на холме Коронилья 27 мая 1812 г., когда женщины Кочабамбы встали на защиту своего города от испанских войск.

Агирре обращается не только к читателям, но и к боливийским писателям (включая историков), ответственным за формирование национального чувства; без истории не может быть нации, эту историю следовало создать³⁷. В романе создаётся образ новой метисной нации, при этом все расовые группы ориентируются на доминирующую – креольскую, культурно и социально более организованную и «цивилизованную». Этот талантливый роман, ставший очень популярным, вызвал большую дискуссию в обществе, так как разрушал официальный нарратив, в котором метисному плебейству городов отводилась подчинённая и второстепенная роль в национальной идентичности. В романе боливийская нация в процессе своего становления представлена как креольская по культуре, но метисная социально и по крови. В этой парадигме сохранялось колониальное деление на Республику индейцев и Республику креолов³⁸. Этот внутренний колониализм укрепился с завоеванием независимости, что стало главной мишенью в XX в. при формировании нового дискурса, индейско-метисного, а затем и более радикального – индеанистского.

Роман Агирре стал своего рода боливийским «Войной и миром», вошёл во все программы обучения, стал мифообразующим (в частности, о значении и ходе восстания в Кочабамбе). И это несмотря на то, что официальный дискурс не находил подтверждения на страницах романа. Там, метисы и креолы были основой нации, их вклад в дело независимости одинаково велик, и это были граждане, способные создать новое государство, в котором, правда, не было места для самой многочисленной группы населения – индейцев. Индейцы в романе отсутствуют.

Хотя Агирре считал независимость продуктом коллективных усилий, он понимал, что не все участники борьбы несли одинаковую ответственность. Её главные действующие лица – креолы и образованные метисы. Восстания метисов против колониализма в предшествующие Войне за независимости годы являлись для Агирре предтечами «революции осво-

³⁶ Например, подлинный документ «Дневник барабанщика Сантоса Варгаса», написанный партизаном из републикеты в Айопайя, т.е. происходящий из низов, из плебейских слоёв, что было особо востребовано боливийской публикой, был «обретён» в середине XX в. и после опубликования стал откровением для историков и широкого круга читателей. В целом, в XIX в. ходило много разных апокрифов и сомнительных документов времён Войны за независимость. Подлинность некоторых удалось доказать только в XX в.

³⁷ Gotkowitz 1997. P. 705.

³⁸ Mariaca 1997. P. 721.

бождения», в то время как Великое восстание индейцев 1780–1781 гг. полностью замалчивалось. В одном из своих очерков, посвящённых Боливару (1883), он упоминал восстания Хосе Габриэля Кондорканки и Томаса Катари, но не как предшественников движения за независимость, ибо индейцы не хотели «забыть свои обиды и ненависть к белым». В романе Агирре обвинял индейцев в том, что они хотели не независимости страны, а независимости для своей расы, подталкивая всех к «войне рас»³⁹.

Важным элементом креольской идентичности было воспоминание о борьбе за независимость, противопоставляемой индейской позиции во время войны. В историографии насаждалось убеждение, что индейцы были либо нейтральны, либо враждебны борьбе с испанской короной, что автоматически предполагало исключение каких-либо прав индейцев на своё самобытное и автономное место в новом государстве. Агирре противопоставлял как разрушительное и ужасное восстание индейцев 1780–1781 гг. последовавшему затем восстанию креолов и метисов под руководством Алехо Калатайяда, который предстал как предшественник войны за независимость и носитель нового национального чувства. Таким образом, индейцы не были носителями национальной идентичности, обрётённой в борьбе. Агирре призывал поставить в Коронилье достойный памятник, который будет воспитывать людей в любви к родине. Этот призыв исполнился 40 лет спустя. Заказанный в Италии монумент воздвигли в 1926 г. Он представлял женщин с явными чертами метисов, что вызвало некоторое возбуждение в креольском обществе, видимо, потому, пишет исследовательница Лаура Готковиц, что «бронзовые метиски слишком походили на настоящих, живших в городе»⁴⁰. 20-е годы были временем поворота к метисной идентичности боливийской нации. Мало упоминавшиеся до того события в Коронилье стали одним из символов национальной борьбы, а метис превратился в гражданина, соиздателя новой нации. Более того, образ женщин-метисок превратился в почитаемый образ матери-родины. С 1927 г. 27 мая (день битвы при Коронилье) стал праздноваться как день матери.

Роман Агирре стал отправной точкой для всей исторической литературы, романов, драматургии. Как отмечал боливийский историк Гильермо Мариака: «Будет слишком просто рассматривать роман «Хуан де ла Роса» как памятник дискурса, как музейный экспонат либеральной нации, эта произведение продолжает жить в сегодняшнем мире, его прочтение должно учитывать историческую специфику и особенности периода написания, но в то же время его страницы следует открыть, чтобы вместе с ним вернуться к незавершённым спорам о процессах модерности в Боливии»⁴¹.

³⁹ Ируроски 2013. С. 252.

⁴⁰ Gotkowitz 1997. P. 710.

⁴¹ Mariaca 1997. P. 718.

Роман произвёл большое впечатление на боливийских литераторов. Хулио Пас написал повесть «Портеньос⁴² и партизаны», как бы в продолжение сюжета романа Агирре. Его герои также из Кочабамбы. С началом борьбы за независимость они вступают в армию на стороне аргентинцев, приславших экспедиционный корпус в Чаркас. После поражения аргентинцев герои романа организуют партизанский отряд. Вскоре они разочаровываются в аргентинцах из-за их поведения в Потоси, когда те разграбили и хотели взорвать Монетный Двор⁴³. В романе проводится мысль об отличии боливийцев как от испанцев, так и от аргентинцев, хотя Чаркас входила в состав вице-королевства Рио-де-Ла-Платы. Таким образом, боливийская идентичность, формирование которой началось в годы войны за независимость, противопоставит не только Испании, но и соседним странам Перу и Аргентине. Тогда же стали популярными пьесы Клаудио Пинилья, Рикардо Мухия (в прозе и стихах) о войне за независимость, о Боливаре, Мурильо, прославлявших креольских героев, отцов нации, «ряженных» в тогу античной трагедии. Один из авторов Рикардо Мухия подчёркивал, что цель драматургии – воспитание граждан в духе почитания героев, морализация народа⁴⁴.

Вместе с тем, писатели задавались вопросом: что дала независимость? Висенте Бальивиан в «Клаудио и Елена» (1834) отвечал: хаос, бедность и кровь. В романе автор акцентирует не подвиг героев, а разочарование и катастрофы, которые постигли страну после завоевания независимости. Причина проста – характер самих боливийцев, погрязших в пороках, алчности, равнодушных к общественному благу. Эта идея романа проходит через труды многих историков того времени⁴⁵.

Историческую тему в духе Агирре продолжила писательница Линдаура Ансоатеги Камперо (она была женой президента Нарсисо Камперо), написавшая в 1894 г. повесть «Уальпаримачи», своего рода фантазию на тему партизанской борьбы в эпоху борьбы за независимость, в которой главные события развивались между креолами, вождями патриотов и их сторонником индейцем, который был прямым потомком инков. Война представлена как гражданская война, что выходило за рамки привычного описания столкновения чужестранных угнетателей испанцев и боливийцев⁴⁶. Впервые, что особенно любопытно ввиду того, что речь идёт о женской прозе, рождение национальной жизни описывалось как междоусобная борьба, хотя правота признавалась за патриотами – креолами. Борцы с анархией и плебсом после обретения независимости в лице креольской элиты становились, таким образом, наследниками борьбы патриотов.

⁴² Портеньо – жители Буэнос-Айреса.

⁴³ Reescrituras 2012. P. 348.

⁴⁴ Finot 1942. P. 176-178.

⁴⁵ Ируроски 2013. С. 254.

⁴⁶ Finot 1942. P. 193.

Одним из оригинальных, очень популярных жанров были монологи, которые читались на собраниях и в салонах, печатались в газетах. Среди ярких авторов этих монологов были такие писатели как Хосе Пальма, Эмилио Финот, издавшие в начале века ряд монологов, театральных пьес. Все они были посвящены Войне за независимость и выдержаны в традиционном стиле почитания героев⁴⁷. В их произведениях Боливар и Сукре оставались на Олимпе героев, но также были пьесы, посвящённые чисто боливийским событиям и боливийским героям – Мурильо, чукисакским революционерам 1809 года. Пьесы Финота пользовались большим успехом и одна из них даже была представлена в стиле музыкальной драмы труппой испанской сарсуэлы.

Кроме боливийских писателей XIX в. Война за независимость не стала доминирующей темой. Она была перегружена официальным нарративом, ставшим почти догмой. Интеллигенция нового поколения 1920–1930-х гг. не желала повторять прописных истин, а новый нарратив долго не появлялся: многим казалось кощунственным пересматривать эту тему. Только после Национальной революции 1952 года Война за независимость вновь оказалась в центре внимания и историков, и писателей. Яркий мыслитель, левый индеанист Карлос Мединасели писал: «Боливия – это формирующаяся нация, и она нуждается в поддержке со стороны культуры, интеллигенции и литераторов для укрепления её институтов и характера»⁴⁸. Националисты придавали большое значение литературе, кино, живописи для формирования нового метисного национализма, новой метисной идентичности и, соответственно, изменения официального нарратива истории, в том числе и в отношении Войны за независимость. Между тем, креольско-метисная идентичность строилась на основе креольской, через включение метисов в креольскую нацию, через деконструкцию старого нарратива, его «метизацию».

Метисно-индейский дискурс официального нарратива (Национальная революция 1952 года)

Завершение торжеств столетия независимости совпало с изменением интеллектуального и политического климата, что выразилось в своеобразной идейной революции, результатом которой был крах либерально-позитивистской идеологии и наступление иррационализма, антидемократизма и национализма. Изменилось отношение к официальному нарративу, официоз празднования вызвал некоторую оскомины из-за фальши и пошлости мероприятий. Интеллектуалы обращались к индейскому прошлому, в центре идеологических дискуссий стояли расовые и социальные вопросы, главный из них – вопрос о национальной идентичности. После работ Ф. Тамайо, А. Аргедаса, А. Поснански и других пионеров индеанизма креольско-метисная идентичность отвергалась

⁴⁷ Finot 1942. P. 375.

⁴⁸ Medinaceli 1969. P. 186.

большинством интеллектуалов и политиков. В этом контексте Война за независимость отошла в тень, её место в новом националистическом нарративе было незначительным. Преобладающим стал исторический ревизионизм. Федерико Авила (1904–1973) в работе «Очерки интерпретации и исторической критики» предложил пересмотреть национальное прошлое, что для него означало не только написать новую историю, но и найти утраченный в прошлом «национальный дух», который составляет основу нации⁴⁹. Авила предложил создать «андскую историографию», в которой Война за независимость утрачивала своё центральное место⁵⁰.

Хотя индеанизм как самостоятельное идейное направление возник в 20-е годы, лишь после окончания войны в Чако это течение общественной мысли стало играть заметную роль. Вслед за Ф. Тамайо индеанисты видели в кечуа и аймара биологическую основу нации, призывали к изучению индейской культуры. Индеанизация дискурса привела к корректировке коммеморативных практик. Годовщина независимости оставалась главным национальным праздником. Однако в 1937 г. при президенте Буше был учреждён День индейца 2 августа, накануне Дня независимости (6 августа), что меняло акценты на торжествах.

Карлос Монтенегро, Аугусто Сеспедес заложили основы концепции национализма в историографии. Монтенегро в работе «Национализм и колониализм» дал целостную картину развития боливийского общества в период после завоевания независимости. В основе его концепции лежала идея, что в Боливии со времени колонии существуют два противоположных полюса – «нация» и «антинация». Монтенегро рассматривал ключевое событие боливийской истории – Войну за независимость как освободительный процесс, в котором руководящую роль играли креолы и метисы (нация, народ), заложившие основы и современной борьбы за национальное освобождение. С завоеванием независимости страны метисная нация (народ) осталась подавленной антинацией, креольской олигархией⁵¹. Индейцы рассматривались как часть метисной нации.

При националистическом правительстве Г. Вильярроэля (1943–1946) вновь усиливается внимание к Войне за независимость. В 1943 г. День независимости отмечался с особым размахом благодаря визиту венесуэльского президента. В ходе празднований подчёркивалась общая латиноамериканская борьба с Испанией и роль Боливара. Однако, это был краткий возврат к старому нарративу. При националистических правительствах метисное большинство городов стало «солью» нации, её прочным фундаментом, объединяющим и креолов, и индейцев. Сопrotивление женщин Кочабамбы (метисов в своей массе), испанским войскам при Коронилье приобрело характер самого выдающегося события

⁴⁹ Ávila 1936. P. 112-113.

⁵⁰ Francovich 1985. P. 131-132.

⁵¹ Montenegro 1979. P. 71, 82.

Войны за независимость, демонстрирующего всеобщую решительность народа, даже женщин, добиваться во что бы то ни стало независимости родины. Происходит деконструкция креольско-метисного мифа уже упоминавшегося романа «Хуан де ла Роса» Н. Агирре, который трактуется в духе изначальной метисной идентичности Боливии. В те годы роман Агирре был включён в обязательную программу для школы.

В промежутках между националистическим режимом «военных социалистов» и про-нацистским правительством Вильярроэля к власти возвращались олигархические партии (1940–1943, 1946–1952), которые опирались на креольско-метисные средние слои. И тогда вновь с большим энтузиазмом (ввиду отсутствия иных идеологических поводов) обращались к наследию войны за независимость, возрождая старый, не вполне забытый дискурс креольского героизма. В 1940 г. были найдены останки казнённых лидеров восстания 1809 г. Мурильо и Сагарнаги. Их перезахоронение превратилось в многодневное мероприятие с участием государственных служащих, армии, школьников и т.д. Тогда же были изданы документы восстания 1809 г., проводились лекции во всех школах и лицеях, публичные обсуждения на радио, в университетах. В тот же год отмечалось столетие со дня рождения Сукре, и правительство невиданными тиражами распорядилось издать брошюру о нем для каждого школьника страны и для распространения среди народа⁵².

Именно в эти годы олигархической реставрации правительство чаще всего говорило о значении школы и армии в воспитании «национальной души». Была разработана программа патриотического воспитания в школе, долженствовавшего противостоять революционным доктринам и влиянию оппозиции националистического толка, которая настаивала на пересмотре основ национальной идентичности в духе инклюзивности, пересмотре исторических основ с креольско-метисных на метисно-индеанистские. Если националисты массово демонстрировали увлечение до-испанскими древностями (Тиуанаку, прежде всего), официальная пропаганда по-прежнему настаивала на фундаментальном значении Войны за независимость и цивилизаторской роли креольского меньшинства. Правительство поддерживало издание и распространение по всем школам страны популярных работ и пьес о войне за независимость Антонио Диаса Вильямира, а также работ Хулио Диаса Аргедаса, прославляющих подвиг солдат во время войны за независимость⁵³.

По убеждению властей, не только школа, но и армия должна была привести к культурной метизации и интеграции индейцев в культурно-

⁵² Fiesta 2009. P. 57-58.

⁵³ Не стоит недооценивать массовое воздействие этих работ, учитывая небольшое число публикаций вообще в стране, тем более предназначенных для молодёжи. Автор данной статьи из личного опыта помнит, как в личной беседе боливийский посол в России в начале 2000-х гг. из всех писателей исторического жанра вспоминал по своим школьным годам как нечто выдающееся только работы Диаса Вильямира.

историческое поле общей памяти. Позднее в армии (в 1950-е годы) даже вводились должности политических комиссаров – воспитателей. Цель состояла в превращении индейцев в крестьян, т.е. из расовой в социальную группу, которая будет включена в социальное поле национальной памяти и единой боливийской идентичности.

После Национальной революции 1952 г. и проведённых радикальных реформ новое националистическое государство прямо поставило задачу «переписать» историю, исходя из нового видения национальной идентичности, основанной на принадлежности всех этнических групп к народу-труженику в противовес креольской аристократии и олигархии, исходя из идеи плавильного котла разных рас и этносов, прежде всего через превращение индейца в полноправного гражданина, всеобщую метизацию и ассимиляцию. Предложенный националистами новый нарратив (до и после Национальной революции 1952 г.) низводил героев Боливара и Сукре к символическим фигурам, которым отдавалось должное, но без культа. Теперь главной фигурой национальной истории был плебей-метис, житель городов, боровшийся с антинацией – испанской и креольской аристократией. Соответственно Национальная революция, свергнувшая старую олигархию, и была продолжателем дела Войны за независимость, партизанских республикет и городских восстаний в Ла-Пасе, Кочабамбе, Оруро и Чукисаке. Индейские массы при помощи некоторых исторических исследований постепенно из союзника короны превращались в один из вспомогательных отрядов бойцов за независимость. В этом метизационном дискурсе индеец переставал быть отдельной этно-социальной кастой, превращаясь в часть народа, из этноса он превращался в класс крестьян, сельских трудящихся.

Основная идея состояла в том, что боливийская нация существовала всегда, в разные эпохи разные расы и этносы входили в её состав. Нация боролась за свою свободу, сначала против испанского колониализма, затем против олигархии, антинации. Таким образом, Национальная революция есть продолжение Войны за независимость. Тогда же в пантеон героев Войны за независимость помимо Боливара и Мурильо был введён Тупак Катари, вождь индейского восстания в конце XVIII в. (против него воевал Мурильо, но это никого не смущало). Особенно осязаемо это проявилось в муралистской живописи Вальтера Салона Ромеро (ученика Давида Сикейросы) и Мигеля Аландии Пантохи: в их огромных панно индейские герои стояли рядом с креольскими вождями войны за независимость. Муралы имели большое эмоциональное и воспитывающее воздействие, в простой графической форме декларируя новую идентичность. Теперь индейцы должны были составить один из отрядов борцов за независимость, вместе с метисами и креолами. В результате на первый план выходят исследования о партизанах, республикетах, союзах индейцев и метисов в борьбе с колониальной властью.

После Национальной революции в 1950-е гг. в Боливии был создан Национальный институт кинематографии. Одной из его работ был очень популярный фильм «Пробуждение индейца», его показывали по всей стране, в деревнях для неграмотных крестьян, он входил в программу департамента пропаганды и составлял важную часть идеологической работы правящей партии МНР (Movimiento Nacionalista Revolucionario). Впервые именно в этом фильме до широкой публики был донесён новый подход к истории борьбы за независимость страны. Вожди индейского восстания XVIII в. Тупак Катари и его жена Бертолина Сиса были возведены в ранг предтеч национальной независимости⁵⁴, что полностью противоречило старому нарративу, восходящему к Натаньелю Агирре и историографии XIX в., ставящей индейца вне этой борьбы.

Трансформировались коммеморативные практики: появились новые знаменательные даты в связи с юбилеями битв при Суипаче и Ароме, относящихся к первому периоду войны, когда именно местное население принимало в ней активное участие, в отличие от заключительного этапа борьбы, собственно принёсшего независимость стране, когда в битве при Хунине и Айякучо боливийцы вообще не участвовали. Стал выделяться культ Мурильо: лидер национальной революции президент Виктор Пас Эстенсоро часто изображался на фоне памятника Мурильо или на фоне факела с цитатой последней фразы, произнесенной героем на эшафоте: «Вы никогда не потушите пламя, которое я зажёл на этой земле». Партия МНР, строившая однопартийный режим, не стала отдавать процесс формирования нового нарратива на волю случая, доверившись профессионалам. Была создана государственная «Комиссия по истории боливийского народа» (1954), результатом деятельности которой было создание официальным историком МНР Хосе Фельманом Велларде трёхтомной истории Боливии, которая стала официальной версией истории, обязательной для изучения в школах страны⁵⁵.

Во времена военных режимов в 1960–1970-е гг. государство пропагандировало идею исключительного первенства Боливии в деле борьбы за независимость, подчёркивая значение восстаний 1809 г. как начала общеконтинентальной войны за независимость. Подтекстом этой волны почитания героев 1809 г. и П.Д. Мурильо был тезис о боливийцах как первенствующем народе континента, историческую судьбу которого впоследствии испортили соседи, отобравшие часть их территории, а в период Войны за независимость боливийцы, живущие в сердце континента, были как раз лидерами всего испаноамериканского мира.

Программа хунты 1809 года (до сих дискутируется является ли она позднейшим апокрифом) объявлялась образцом свободной мысли и основы *боливианидад*, боливийской сущности, как сплава патриотизма и

⁵⁴ Stefanoni 2010. P. 81.

⁵⁵ Fiesta 2009. P. 68.

неприятия идейной иностранщины – коммунизма, кастризма и т.д. Правительство распорядилось на всех зданиях, где располагались органы власти, установить мемориальные доски с текстом Программы хунты. Таким образом события 1809 года ставились вровень или даже выше собственно провозглашения независимости в 1825 г., ибо последнюю боливийцы получили из рук иностранных освободителей. Фигура Мурильо заменила культ Боливара, что позволяло делать упор на автохтонный характер боливийской независимости.

Полуторавековой юбилей провозглашения независимости в 1975 г. отличался от предыдущих круглых дат тем, что главными героями были Мурильо и Тупак Катари, так обозначилась новая перспектива понимания борьбы за независимость и роли в ней индейского населения. Катари восстал в XVIII в. не только против испанской короны, а против всех белых, однако новый нарратив опускал эти детали, а Катари предстал предтечей независимости Боливии. Следует отметить новаторские работы Рене Арсе, которые отвергали традиционную версию Войны за независимость, выделяли в освободительном движении индейское течение, имевшее собственный общественно-исторический проект⁵⁶. Работы историков в этом направлении способствовали изменениям в университетской и школьных программах истории. Были установлены памятники партизанам, Хуане Асурдуй Падилье в Сукре и др. Восстание Тупак Катари стало частью борьбы за независимость, что вступало в противоречие с народной памятью об осаде Ла-Паса его войсками как самой жестокой странице в истории города. Катари стал яблоком раздора, так как его именем назывались современные крестьянские движения и профсоюзы, народные университеты индеанистов, в то время как для креольского населения, особенно в Ла-Пасе, он оставался символом расовой ненависти индейцев к креольскому городу. Между тем, официальный нарратив уделял значительное место не столько самому восстанию Катари и провозглашаемым им целям (независимость плюс полное уничтожение всех белых и метисов), сколько мученической смерти его и его подруги и сподвижницы Бертолины Сисы. Позднее эта тема нашла развитие у историков-индеанистов и самого крупного из них – Роберто Чоке, полностью отказавшегося от парадигмы, довлевшей как у левых, так и у правых, которые рассматривали Войну за независимость как борьбу против испанского колониализма и абсолютизма, породившую боливийское государство. Он задался вопросом: что национальное государство принесло индейцам. Р. Чоке противопоставлял креольско-метисное движение индейскому, а Войну за независимость – восстанию Тупак Катари, так как независимость оказалась враждебна индейским народам и ничего им не дала⁵⁷.

⁵⁶ Arze 1979.

⁵⁷ Choque 2008.

Противоречивое отношение к фигуре Катари городского населения сглаживалось политикой умалчивания и забвения подлинных целей восстания Катари. Другое дело индейское население. Следует остановиться на особенностях мировоззрения (или как принято говорить в Боливии космовидения) индейцев, их представлениях о мире и истории. Все годы независимости коренное население оставалось неграмотным, духовную связь с остальными гражданами осуществляла только церковь, через которую доносились понятия гражданства и патриотизма. С 1940-х гг. к церкви добавилась школа. Вместе с тем, у индейцев не возникало никакого противоречия между их коллективной памятью, устно передаваемой традицией, и официальным креольским нарративом. Дело в том, что у андских народов существует представление о мире, в котором в циклическом плане господствует то одна, то другая Алакспача (воплощённая в реальности божественная сущность мира, которая выстраивает по своим правилам все мироздание и жизнь индейцев). По их представлениям, после конкисты в мире воцарилась белая, креольская, христианская Алакспача, следовательно, необходимо подчиниться и жить по её законам и правилам, в том числе и принять всем сердцем католическую религию. При этом индейцы ждут, что рано или поздно в соответствии с циклическостью жизни и истории вернётся индейская Алакспача, которая воссоздаст старый золотой век индейцев, и все будут жить по их правилам⁵⁸. Во время многочисленных восстаний индейцев, если проходил слух о возвращении Инки, что должно было свидетельствовать о возврате индейской Алакспачи, нередко недавно истые католики тут же убивали священников и даже были случаи ритуального канныализма. Введение же знаковых исторических фигур индейского сопротивления, таких как Катари, в пантеон национальных героев первоначально никак не волновал индейцев. Однако, по прошествии поколения, к концу XX в. большинство индейцев пришли к убеждению, что наступают времена индейского возрождения.

Индеанистский рванш

Появление индейской интеллигенции способствовало переосмыслению традиционных мифологизированных представлений об освободительной борьбе в духе индейского культурного рванша в рамках современного общества, где уже не было место возрождённому Инке. Эти процессы привели к новому пониманию боливийской идентичности после прихода к власти радикальных левых индеанистов во главе с Эво Моралесом в 2006 г. Была провозглашена «демократическая и культурная революция», которая предусматривала пересмотр официального исторического нарратива. Крупный английский латиноамериканист Джеймс Дюнкерлей назвал приход к власти Моралеса «третьей» боливийской революцией, в созвучии с советской периодизацией трёх рус-

⁵⁸ Montes 1984. P. 336.

ских революций: первая была Война за независимость, вторая – Национальная революция 1952 г.⁵⁹ Он прав в том, что это действительно моменты кардинального изменения всего жизненного уклада в стране, что неизбежно отражалось на восприятии национальной идентичности.

Символичной была церемония вступления в должность нового президента на руинах Тиуанаку. Индейский ритуал означал не только приход к власти первого президента – индейца аймара, но и пересмотр всех основ идентичности, что впоследствии выразилось в бурных дискуссиях о том, что такое Боливия, боливийцы, и какая история подлинно национальная. Эти споры проходили не в академических аудиториях, а на заседаниях Учредительной Ассамблеи, принявшей новую конституцию и даже изменившую название страны – Многонациональное государство. Наряду с канонизацией героев индейского сопротивления (Туапак Катари, Серрате Уильки, Бертолины Сисы и др.) в официальное обращение вводились новые символы, связанные с индейской идентичностью – радужный флаг *whipala*, Тиуанаку как своего рода индейский Иерусалим, был учреждён новый праздник – индейский новый год 21 июня.

Рубеж XX–XXI в. принес новые формы массовых, коллективных действий. Речь идет не столько о праздновании тех или иных исторических событий, сколько о непривязанных к прошлому манифестациях, шествиях, культурных акциях, фестивалях, бдениях, связанных с этническими традициями и верованиями, а также с событиями, не имевшими точной хронологической привязки (конкиста, воспоминание доиспанского культурного наследия, общинных традиций, освещение новой символикой и смыслом сакральных или исторических мест, связанных с историей индейских народов, с андско-индейским календарём).

Преобладающей идеей стал плюрикультурализм, отсутствие единой идентичности, «богатство в разнообразии», в сосуществовании различных исторических нарративов для разных сообществ. Эта линия вызвала серьёзные противоречия и даже растерянность в педагогическом сообществе, в школьном образовании. Если все предыдущие годы школа имела единые программы истории, литературы и пр., а целью было создание представления об однородной нации, то теперь правительство объявляло, что задачей школы является не насаждение одной национальной идеи, единой национальной идентичности, а поощрение разнообразия нарративов истории места, этноса, расы в рамках некоей аморфной гуманистической, неполитической общности, какой представлялась общая страна. Релятивизм в оценке культуры и истории, вытекавший из идеи «социального и культурного разнообразия», предполагал коррекцию старой национальной идентичности. Школа должна была поощрять «гетерогенность» национальной общности⁶⁰.

⁵⁹ Dunkerley 2007.

⁶⁰ Fiesta 2009. P. 220.

Хотя правительство Эво Моралеса демонстрировало преемственность в уважении традиции почитания героев борьбы за независимость, укоренившейся в предыдущие годы, преобладающим стал индеанистский дискурс. При этом власти использовали июльское празднование восстания 1809 года в Ла-Пасе во время противостояния с оппозицией в 2007 г., требовавшей переноса столицы в Сукре, а также во время предвыборной кампании по референдуму о подтверждении полномочий президента. В Ла-Пасе был снова торжественно перезахоронен в Кафедральном соборе прах Мурильо. В торжествах активно участвовали не только горожане Ла-Паса, но и индейцы, демонстрируя сочетание старых (триколор) и новых (whipala) символов, знамён. Эво Моралес предстал как гарант единства страны и сосуществования различных расовых и социальных сообществ, что он демонстрировал, участвуя в торжествах и выражая уважение историческим ценностям креольского государства. Однако, за рамками старых ритуалов новые власти отдавали явное предпочтение индеанизму в политике и культуре.

Правящее движение, представленное в основном радикальными индеанистами, рассматривает память как конструкт, который государство способно создать в соответствии со своими текущими потребностями. Однако в Бразилии часто общество было сильнее государства. Оказалось невозможным искоренить из памяти людей те факты, которые они, конечно, лично не могли переживать, но которые укоренились в их миропонимании и стали для многих основой идентичности. Отчасти правящее движение было вынуждено признать временное поражение и согласиться на сосуществование со старыми мифами и культурной памятью, оппозицию к которым оно неоднократно декларировало.

Как отмечает А. Ассман: «Там, где история находится на службе у формирования идентичности, где история осваивается гражданами, и где к ней апеллируют политики, там можно говорить о “политической” или “национальной” памяти... которая закрепляется политическими институтами, воздействуя на общество “сверху”»⁶¹. Особенность современного этапа развития Бразилии состоит в том, что политики, как и ранее, ищут в истории оправдание своей позиции, которая одновременно является отрицанием уже устоявшейся «культурной» памяти.

Доминирующий индеанистский дискурс, обращаясь к индейским корням и вычёркивая содержание креольской исторической памяти, попадает в ловушку противоречий между универсальностью декларируемой инклюзивной идентичности (креолы, метисы, коренные-туземные народы) и партикуляризмом идентичностей отдельных этно-расовых и социальных групп – крестьянско-индейской нации. Причем индеанистский нарратив противостоит общенациональному, порождая ряд этноцентристских мифов, таких как миф о солидарности как основе экономиче-

⁶¹ Ассман 2014. С. 35.

ского уклада, миф об андском капитализме, противостоящем в ценностно-историческом плане европейскому (мировому), этноэкологический миф (Suma qumaja⁶²). Эти мифы разрывают единую ткань национального нарратива и исключают формирование общей идентичности. Отсюда новая форма государственности – “Мультонациональное государство”, сосуществование различных и порой противостоящих идентичностей в одном социальном и физическом поле. Подобное положение потенциально содержит угрозу разрыва, требует поддержания равновесия, однако наполняет противоречиями официальный исторический нарратив, который не смотря на всю его противоречивость настойчиво создают власти⁶³.

Боливия сегодня – яркий пример деколонизации исторической памяти, ранее искажённой или разрушенной внутренним колониализмом⁶⁴. В официальном нарративе, возникающем в последние годы, война за независимость остаётся важным, но почти археологическим событием: главное содержание боливийской истории – и до, и после неё – состояло во «внутреннем колониализме», противостоящем подлинной независимости⁶⁵. В телеологическом понимании национальной истории все события до «культурной и демократической революции» рассматриваются как эпизоды борьбы с этим непреодоленным колониализмом, а с приходом к власти Моралеса наступил решительный момент для «внутренней деколонизации». В какой-то степени этот дискурс является перелицованной концепцией нации – антинации национал-реформистов, а место метиса занял индеец как основа нации. Внутренняя деколонизация вызвала сложные чувства у многих социальных групп в отношении оправданности существования и истории той страны, которую они всегда называли Боливией и считали своей собственной. Процессы переоценки своей идентичности привели к разрушению национального чувства, оправдывавшего все эксцессы истории, репрессии и дискриминацию коренного населения. Если левые и индеанисты опасались, что государство, сменив идеологическое обоснование независимости и поменяв исторический нарратив, не сможет измениться по сути и останется колониальным (весь период после 1825 г. характеризовался как «внутренний колониализм»), то креольско-метисное меньшинство, правые, центр и традиционные левые опасались разрушения всех основ идентичности и нарастания конфликта по линии подлинных боливийцев и «колонизаторов и их союзников»⁶⁶. Все 2000-е годы прошли в атмосфере растеря-

⁶² Официальная идеология режима, переводится как «хорошо жить», антиконсумистская и экологическая доктрина гармонии человека и природы.

⁶³ Пьер Нора называл этот процесс «демократизацией» истории. Речь идет, в частности, о деколонизации памяти, характерной для освободившихся стран третьего мира, а также посткоммунистических стран (Нора 2005).

⁶⁴ García 2010. P. 199-214.

⁶⁵ Stefanoni 2010. P. 10.

⁶⁶ Svampa 2010. P. 69.

ности, а иногда и агрессии в недавнем прошлом доминирующих групп, которые не желали принимать новую идею истории и памяти, а стали выделять собственную память, уже как память меньшинства, из общенационального нарратива. Впрочем, атомизация групповых представлений и разрушение общенационального чувства характерны для постмодерна. Недостаточность линейного метанарратива для формирования идентичности компенсировалась частичной мифологизацией⁶⁷.

Историческая память, независимо от тех инструментов, при помощи которых государство навязывает обществу и индивиду представления о национальных корнях, способна формировать идентичность, только пройдя стадию мифологизации. Как отмечает А. Ассман, миф «может подразумевать взгляд на историческое событие “через призму идентичности”», то есть предполагает “аффективное освоение собственной истории”»⁶⁸. История рождения Боливии превращается в мифологию, принимаемую всем обществом и каждым индивидом в отдельности. Когда история становится мифом, она начинает жить. Особую роль в этом процессе играют коммеморативные практики. В случае пересмотра основ идентичности по воле государства, либо общественной группы миф может быть изъят, предан забвению, заменён новым конструктом, который должен будет пройти большой путь, чтобы стать новым мифом, как это произошло с «женщинами Коронильи».

Частая смена официального исторического нарратива в результате революционных перемен в таком сложном обществе, как боливийское, сделало вопрос исторической памяти, формирующей идентичность, национально значимым, а дискуссии вокруг него актуальными и острыми. Недаром эти процессы были названы «битвой памяти».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс -Ц, 2001. 288 с.
- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. 288 с.
- Ируроски М. Народ и представительство в историографическом дискурсе и политике в Боливии, 1825–1922 гг. // Латиноамериканский исторический альманах. № 13. 2013. С. 242–263.
- Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Изд-во политической литературы, 1991. 525 с.
- Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41).
- Репина Л.П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. № 21. 2007. С. 5–21.

⁶⁷ «Мифотворчество – это гармонизация картины мира в её исторической составляющей для современного социума». – См.: Румянцева 2007. С. 113.

⁶⁸ Ассман 2014. С. 39.

- Румянцева М.Ф. «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // Диалог со временем. № 21. 2007. С. 106–118.
- Щелчков А.А. Боливийская общественная и историческая мысль в XIX в. // История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX вв. М.: Наука, 2010. С. 340–377.
- Álvarez Plata M.I., Pentimalle M. Iconografía e imaginario en el siglo XIX. Aproximación a cinco obras de las colecciones de la Casa de la Libertad de Sucre // Anuario de estudios bolivianos, archivísticos y bibliográficos. No.17. Sucre, 2011. P. 55–85.
- Arze Aguirre R. Participación popular en la independencia de Bolivia. La Paz: OEA, 1979. 271 p.
- Ávila F. La revisión de nuestra historia. Ensayo de revisión y críticas histórica. La Paz: s.d., 1936. 255 p.
- Birbuet España M. Recuerdos de la Campaña de 1879 (manuscrito inédito). La Paz: Isla, 1986. 80 p.
- Bourdieu P., Chartier R. Gens avec histories, gens sans histories // Politix. 1989. № 6. P. 53-60.
- Choque Canqui R. Situación social y económica de los revolucionarios del 16 de julio de 1809 en La Paz. La Paz: Consejo Municipal de La Paz, 2008. 200 p.
- Colección oficial de leyes, decretos, órdenes y resoluciones supremas que se han expedido para el régimen de la República Boliviana. T. 13. Sucre: Imprenta Hernández, 1864. 473 p.
- Dunkerley J. Evo Morales, the Two Bolivias' and the Third Bolivian Revolution. // Journal of Latin American Studies. Vol. 39. No.1. 2007. P. 133–166.
- Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life. London: G. Allen and Unwin Ltd., 1915. 457 p.
- Fiesta cívica. Construcción de lo cívico y políticas festivas / Bridikhina E. coord. La Paz: IEB-UMSA, 2009. 254 p.
- Finot E. Historia de la literatura boliviana. México: Porrúa hermanos y Cia, 1942. 474 p.
- Francovich G. El Pensamiento boliviano en el siglo XIX. La Paz: Amigos de los libros, 1985. 222 p.
- García Linera A. La potencia plebeya. Acción colectiva e identidades indígenas, obreras y populares en Bolivia. La Paz: CLACSO, 2010. 436 p.
- Gotkowitz L. ¡No hay hombres!: género, nación y las Heroínas de la Coronilla de Cochabamba (1885–1926) // El Siglo XIX. Bolivia y América Latina / Barragán R., Cajías D., Qayum S. Coord.. La Paz: Muela del Diablo, 1997. P. 701-716.
- Guzmán L.M. Breve resumen de las lecciones de la historia de Bolivia. Cochabamba, 1870. 70 p.
- Mariaca Iturri G. La invención de la historia // El Siglo XIX. Bolivia y América Latina / Barragán R., Cajías D., Qayum S. Coord. La Paz: Muela del Diablo, 1997. P. 717–724.
- Martínez F. Usos y desusos de las fiestas cívicas en el proceso boliviano de construcción nacional, siglo XIX // La mirada esquiva, reflexiones históricas sobre la interacción del Estado y la ciudadanía en los Andes (Bolivia, Ecuador y Perú), Siglo XIX / Irurozqui Victoriano M. Editora. Madrid: CSIC, 2005. P. 179 – 213.
- Medinaceli C. Estudios críticos. La Paz: Amigos de los libros, 1969. 388 p.
- Montenegro C. Nacionalismo y colonización. La Paz, Los Amigos del Libro, 1979. 224 p.
- Montes Ruiz F. La máscara de piedra. Simbolismo y personalidad aymaras en la historia. La Paz: Ed. Quipus, 1984. P. 476.
- Reescrituras de la Independencia. Actores y territorios en tensión./Barragán R., Soux M.L., Seoane A., Mendieta P., Asebey R., Mamani R. La Paz: Plural, 2012. 540 p.
- Stefanoni P. “Qué hacer con el indio...” Y otros traumas irresueltos de la colonialidad. La Paz: Plural, 2010. 176 p.
- Svampa M., Stefanoni P., Fornillo B. Debatir Bolivia. Perspectivas de un proyecto de descolonización. Buenos Aires: Taurus, 2010. 296 p.

- The Invention of Tradition/ E. Hobsbawn, T. Ranger eds. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. 321 p.
- Unzueta F. Periódicos y formación nacional: Bolivia en sus primeros años // Latin American Research Review. Vol. 35. No. 2. 2000. P. 35–72.
- Unzueta F. El imaginario nacional y la historia en la novela // El Siglo XIX. Bolivia y América Latina / Barragán R., Cajías D., Qayum S. Coord.. La Paz: Muela del Diablo, 1997. P. 281–291.
- Unzueta F. Escenas de lectura: naciones imaginadas y el romance de la historia en Hispanoamérica // Nación y literatura en América Latina. Comp. Ramón Máiz. Buenos Aires: Prometeo, 2007. P. 69–112.

REFERENCES

- Anderson B. Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshlenija ob istokah i rasprostraneni nacionalizma. M.: Kanon-Press -C, 2001. 288 s.
- Assman A. Dlinnaja ten' proshlogo. Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 s.
- Assman Ja. Kul'turnaja pamjat': Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja iden-tichnost' v vysokih kul'turah drevnosti. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 368 s.
- Burd'e P. Sociologija social'nogo prostranstva. M.: Institut jeksperimental'noj sociologii, 2007. 288 s.
- Iruroski M. Narod i predstavitel'stvo v istoriograficheskom diskurse i politike v Bolivii, 1825–1922 gg. // Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah. № 13. 2013. S. 242–263.
- Losev A.F. Filosofija. Mifologija. Kul'tura. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1991. 525 s.
- Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamjati. URL: maga-zines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html
- Repina L.P. Pamjat' i znanie o proshlom v strukture identichnosti // Dialog so vremenem. № 21. 2007. S. 5–21.
- Rumjanceva M.F. «Mesta pamjati» v strukture nacional'no-istoricheskogo mifa // Dialog so vremenem. № 21. 2007. S. 106–118.
- Shhelchkov A.A. Bolivijskaja obshhestvennaja i istoricheskaja mysl' v XIX v. // Istorija Latinskoj Ameriki v mirovoj istoricheskoy i obshhestvennoj mysli XVI–XIX vv. M.: Nauka, 2010. S. 340–377.
- Álvarez Plata M.I., Pentimalle M. Iconografía e imaginario en el siglo XIX. Aproximación a cinco obras de las colecciones de la Casa de la Libertad de Sucre // Anuario de estudios bolivianos, archivísticos y bibliográficos. No.17. Sucre, 2011. R. 55–85.
- Arze Aguirre R. Participación popular en la independencia de Bolivia. La Paz: OEA, 1979. 271 p.
- Ávila F. La revisión de nuestra historia. Ensayo de revisión y críticas histórica. La Paz: s.d., 1936. 255 p.
- Birbuet España M. Recuerdos de la Campaña de 1879 (manuscrito inédito). La Paz: Isla, 1986. 80 p.
- Bourdieu P., Chartier R. Gens avec histories, gens sans histories // Politix. 1989. № 6. P. 53–60.
- Choque Canqui R. Situación social y económica de los revolucionarios del 16 de julio de 1809 en La Paz. La Paz: Consejo Municipal de La Paz, 2008. 200 p.
- Colección oficial de leyes, decretos, órdenes y resoluciones supremas que se han expedido para el régimen de la República Boliviana. T. 13. Sucre: Imprenta Hernández, 1864. 473 p.
- Dunkerley J. Evo Morales' and the Two Bolivias' and the Third Bolivian Rvolution.// Journal of Latin American Studies. Vol. 39. No.1. 2007. P. 133–166.
- Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life. London: G. Allen and Unwin Ltd., 1915. 457 p.
- Fiesta cívica. Construcción de lo cívico y políticas festivas / Bridikhina E. coord. La Paz: IEB-UMSA, 2009. 254 p.
- Finot E. Historia de la literatura boliviana. México: Porrúa hermanos y Cia, 1942. 474 p.

- Francovich G. El Pensamiento boliviano en el siglo XIX. La Paz: Amigos de los libros, 1985. 222 p.
- García Linera A. La potencia plebeya. Acción colectiva e identidades indígenas, obreras y populares en Bolivia. La Paz: CLACSO, 2010. 436 p.
- Gotkowitz L. ¡No hay hombres!: género, nación y las Heroínas de la Coronilla de Cochabamba (1885–1926) // El Siglo XIX. Bolivia y América Latina / Barragán R., Cajías D., Qayum S. Coord.. La Paz: Muela del Diablo, 1997. P. 701–716.
- Guzmán L.M. Breve resumen de las lecciones de la historia de Bolivia. Cochabamba, 1870. 70 p.
- Mariaca Iturri G. La invención de la historia // El Siglo XIX. Bolivia y América Latina / Barragán R., Cajías D., Qayum S. Coord. La Paz: Muela del Diablo, 1997. P. 717–724.
- Martínez F. Usos y desusos de las fiestas cívicas en el proceso boliviano de construcción nacional, siglo XIX // La mirada esquiva, reflexiones históricas sobre la interacción del Estado y la ciudadanía en los Andes (Bolivia, Ecuador y Perú), Siglo XIX / Irurozqui Victoriano M. Editora. Madrid: CSIC, 2005. P. 179–213.
- Medinaceli C. Estudios críticos. La Paz: Amigos de los libros, 1969. 388 p.
- Montenegro C. Nacionalismo y coloniaje. La Paz, Los Amigos del Libro, 1979. 224 p.
- Montes Ruiz F. La máscara de piedra. Simbolismo y personalidad aymaras en la historia. La Paz: Ed. Quipus, 1984. P. 476.
- Reescrituras de la Independencia. Actores y territorios en tensión./Barragán R., Soux M.L., Seoane A., Mendieta P., Asebey R., Mamani R. La Paz: Plural, 2012. 540 p.
- Stefanoni P. “Qué hacer con el indio...” Y otros traumas irresueltos de la colonialidad. La Paz: Plural, 2010. 176 p.
- Svampa M., Stefanoni P., Fornillo B. Debatir Bolivia. Perspectivas de un proyecto de descolonización. Buenos Aires: Taurus, 2010. 296 p.
- The Invention of Tradition/ E. Hobsbawn, T. Ranger eds. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. 321 p.
- Unzueta F. Periódicos y formación nacional: Bolivia en sus primeros años // Latin American Research Review. Vol. 35. No. 2. 2000. P. 35–72.
- Unzueta F. El imaginario nacional y la historia en la novela // El Siglo XIX. Bolivia y América Latina / Barragán R., Cajías D., Qayum S. Coord.. La Paz: Muela del Diablo, 1997. P. 281–291.
- Unzueta F. Escenas de lectura: naciones imaginadas y el romance de la historia en Hispanoamérica // Nación y literatura en América Latina. Comp. Ramón Máiz. Buenos Aires: Prometeo, 2007. P. 69–112.

Щелчков Андрей Аркадьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; sch2000@mail.ru

The Independence War in the formation of the Bolivian identity

An important component of the formation of national identity in Bolivia was the memorial policy created by the official narrative justifying the Creole minority privileged position in government. The War of Independence was the foundational history, it formed an idea of the origins of the nation. Today it remains one of the battlefields of the memory, for the excluded race or social groups, Indians and mestizos. The radical changes in the country at the beginning of the XXI century, led to deny of all past historical heritage, a unified national narrative, offering instead the diversity and multiplicity of narratives, converting the nation in not political and humanistic community with big diversity of elements.

Keywords: memorial policy, Bolivia, commemorative practices, nationalism, multiculturalism, indianism.

Schelchkov Andrey, Dr.Sc. (History), Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; sch2000@mail.ru